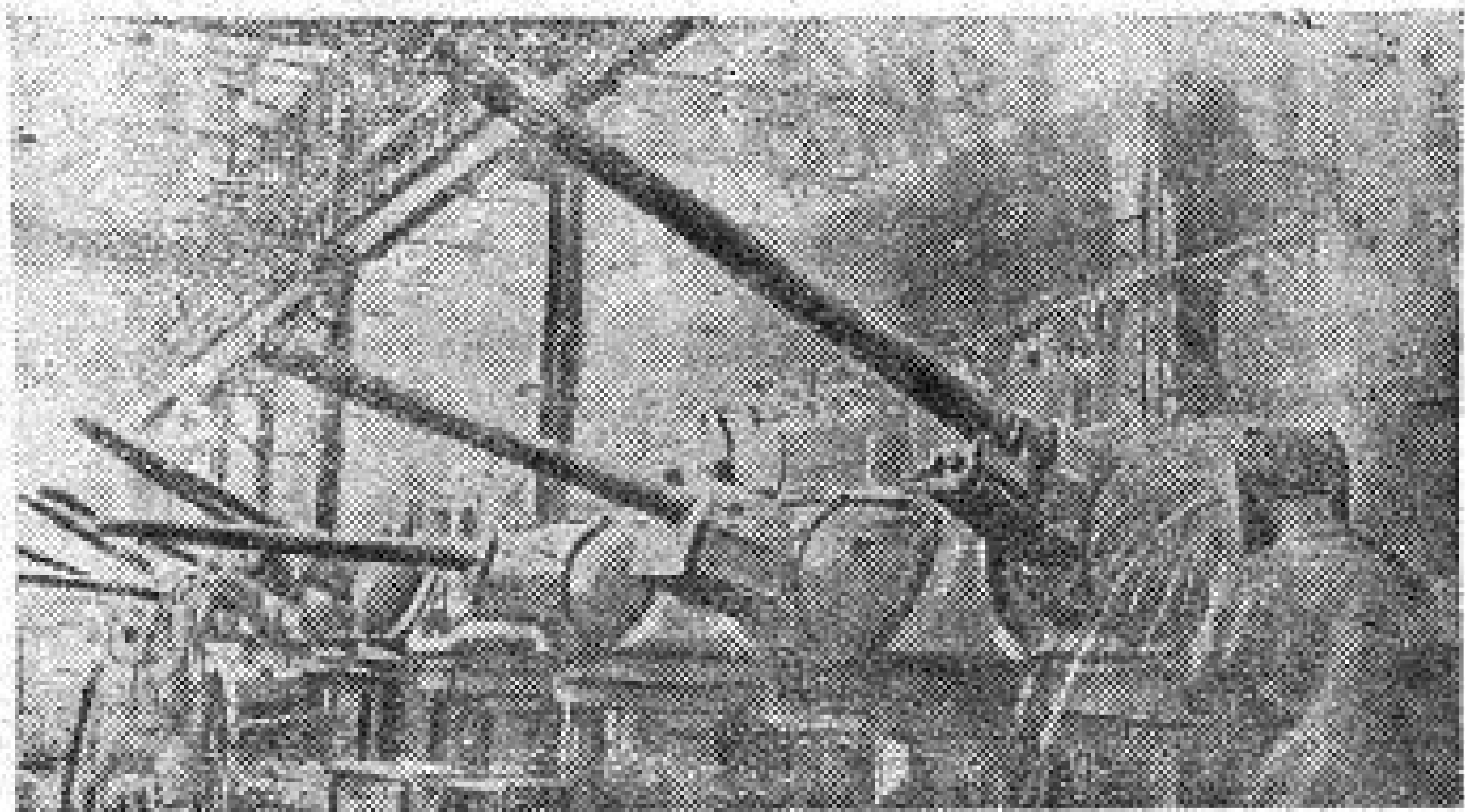

СИЛА НАРОДА

На Н-ском танковом заводе.

Монтаж и сборка артиллерийских частей.

Фото И. Мельского.

Вс. ИВАНОВ.

На той стороне сливающихся здесь двух крошечных речек сплошной темная стена леса. Над лесом вечернее сиреневое небо с редкими, цвета пороха облаками. Воздух чист, прозрачен, и тишина такая, что шагнуть боишься—как бы не спугнуть ее... И вдруг на облаках, повисших там, где Москва,—отблеск огня, словно открыли дверцу огромной пылающей печи.

Гул. Земля пошатнулась. Опять отблеск. Гул. Небо заполняется трассирующими пулями, словно кто бросает горсти рубинов. Рядом, на зенитной батарее, слышим: «Ура-а!» Доносится голос радио.

Войска Степного фронта штурмом взяли Харьков!

И сердце переполняется счастьем. И видишь Москву, гул орудий над ней, видишь ее улицы, видишь ее радость. И, через Москву, видишь радость всей страны нашей.

Салют тебе, страна моя! Салют тебе, Родина! Салют твоему гению, твоему неутомимому творчеству, силе твоего народа, твоей Красной Армии!

Видел я весной один русский город, вернее сказать,—ками от этого города.

Была весна, звучная по-весеннему, но все еще пронизанная суровостью зимы, ее ветрами, ее тучами. Холмы были серы, а грязь так много, что, когда машина начала спускаться с холмов в низину, возникло такое ощущение, будто тащишь этот холм за собой.

А в низине мы увидели то, что некогда называлось Вязьмой.

Кое-где печи, трубы и шатающиеся остатки стен, которые, казалось, упадут, если дотронешься до них мизинцем. Город разрушен немцами недели три тому назад, и эти три недели почти непрерывно шел то мокрый снег, то резкий дождь. Но все же ни снег, ни дождь не смыли с упавших стен следов жизни. Стены кричали!

Приглядишься—и кое-где на куске стены ты увидишь свежий, невыцветший квадрат, а иногда тебе покажется, что видишь мутную фотграфию. Почти непременно это фотография мужчины. Ты сразу понимаешь, что перед тобой мучительные думы русской женщины—матери, дочери, жены,—попавшей в плен к немцам. Женщина смотрела на фотографию, и думалось: «Теперь он уже не в штатском, а в форме пехотинца, артиллериста или летчика, в форме русской армии бьется за родину, за Вязьму, за меня!» Где губы, что шептали твои имя? Где глаза, что с тоской смотрели на фотографию, а затем на восток? Где голова, что, склонившись на холодную подушку, видела тебя, думала о тебе?

В городе есть рвы, широкие и глубокие. Здесь, попеременно с мокрой глиной и снегом, лежат эти уста, что шептали твои имя; лежат мертво закрытые глаза; покоятся, разбитые немецкими пулями, головы женщин и детей, что мысленно всегда видела тебя, покоятся убитые лишь за то, что осмелились мысленно твердить твои имя, русский воин!

В единый мертвый ров превращена Вязьма. Ветер, дождь и плывущая под дождем земля уравнивают ее, Вязьму. Еще на упавшей стене ты разглядишь цвет обоев и, может быть, если ты бывал раньше в этом доме, по цвету обоев узнаешь знакомую комнату... Но куски обоев упираются вместе со струями дождя,—и над всем этим торчат оборветые балки, как произительно-черные черты, итог преступлений, свершений коричневой Германской Германии, Германия! Развалины Вязьмы, пожарница сотен русских, украинских и белорусских городов, тысячи спаленных деревень—вот

та обложка, в которую переплетена ныне твоя история.

Глядишь на взорванный, сожженный город. И он ведь не один в нашей России, в нашей Украине, в нашей Белоруссии.

Поэтому-то с особенно радостно-творческим чувством читаешь постановление Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации».

Прежде всего думаешь, что это гуманизм в самом ярчайшем его понимании. Да и на самом деле! Разве нельзя сказать, что война мешает строить, что восстановление лучше всего отложить до окончания войны? Можно сказать, и каждый, даже очень потерпевший от оккупации, признает, что это—правда и что где там восстанавливать, где там строить, где там за тысячи километров гнать скот к родным местам или вести лес и железо? Нет,—возражает программа восстановления,—надо строить, надо вести лес и железо, надо гнать скот, потому что мы обязаны думать о наших людях, тем более, когда они в несчастье.

Разве это не обращение к сердцу человека? Разве это не обращение к его творчеству?

Мы понимаем, что программа не легка. Эвакуированный скот в Тамбовской, Ивановской или Горьковской области прижился и, разумеется, необходим. А тракторы, комбайны, сенокосилки, плуги, станки? А строительство железнодорожных вокзалов, станций, путевых будок и прочее? Разве мало оно потребует людей, металла, денег,—всего того, в чем чувствуется сейчас недостаток?

Человек иноземный,—даже и хорошо относящийся к нам,—наверное, прочтя эту программу, разведет руками и диву дастся: ох, уж эти русские! Откуда на третьем году войны, претерпев отступление и теперь ведя наступление, претерпев перебазирование промышленности, недосыпая и недоедая, в битве и готовя оружие для этой битвы, найдут русские силы на восстановление разрушенного немцами хозяйства?

И, однако же, несмотря на тяжелые условия войны, весь советский народ приветствует программу неотложного восстановления и твердо уверен, что программа эта будет осуществлена.

Программа неотложных мер по восстановлению хозяйства—мост в будущее, мост в мир, понимая под последним и мирное состояние всего мира, всей земли. Немецкая «раса господ» так господствовала, что восстановление будет одной из важнейших задач, которые встанут перед человечеством после конца войны. Это несомненно. А значит, программа неотложных мер должна строиться на особо прочном фундаменте, потому что поезда в будущее идут очень тяжело нагруженные, достаточно длинные, достаточно внушительные, чтобы над ними стоило подумать.

Каков же собой тот чудодейственный материал, из которого будет создан первый мост в будущее, первая программа восстановления?

Материал очень простой и широко распространенный. Он крепок, прочен и долговечен. Материал проверен на крепость, прочность и тяжесть. Проверен он в прошлой истории нашей—на головах врагов, немцев в том числе,—проверен и в битвах, и в постройках. Проверен он и в современной истории нашей страны, начиная с Октября,—через

гражданскую, пятилетки,—и кончая героическими днями борьбы с гитлеровской Германией. Этот материал—советский человек, с его творческой энергией и замечательным трудолюбием, с его широкой и горячей гуманностью, с его отзывчивостью ко всему честному и справедливому, с его отвагой и патриотизмом. Оттого-то и радуешься программе восстановления. Она осуществится, как? осуществится наша победа над немцами, как придет великий и светозарный завтрашний день, как придет солнце и согнет игла.

Немцы, уходя, взрывают все. Смотришь на разрушенное и думаешь, что, если б немцам да волю, так они всю б нашу землю превратили в пропасть. Дороги, дома, леса, нивы взорваны, сожжены, истоптаны. Идешь, например, вдоль насыпи железной дороги. Насыпи немцам взорвать не дали времени, так они, негодяи, подрывают насыпи рельсы,—в трех местах каждую, и рельсы с тропинки похожи на шпалу. Возле шоссе, куда же по-смотришь,—кучи валунов. Подойдешь поближе,—мины, вырытые нашими саперами.

И вот по этим недавно разрытым дорогам, по временным мостам, где недавно выструганный лес имеет еще цвет пшеничного хлеба, на поля, истоптанные войной, двинулись осуществлять восстановление люди, машины, повезут металл, погонят скот, будут строить вокзалы, мосты.

Рязанский или куйбышевский крестьянин приведет сюда эвакуированного коня да еще добавит к нему выращенного им жеребенка. Саратовская баба пригонит волов. Уральский рабочий пришлет железа—кровельное, которое он выкатал, отрезав от своего отдыха час-другой. Отовсюду—из Средней Азии, из Сибири—потянутся обозы—река восстановления, наша родная река творчества. Да, приходится тяжело, да, работа не легка, но ждать помощи неоткуда, а разрушения огромны,—и, поплывав в ладони, примется ранним-рано русский человек за восстановление хозяйства, за работу.

Над головой работающих летят самолеты. Мимо идут танки. И с платформ выгружают лесины—одну на блиндаж, другую на восстановление, два ломота от одного каравая. Ведь рядом, совсем рядом идет война. Гремят орудия. Но они не заглушают стука топоров: эти плотники строят школу.

Программа восстановления—акт смелый. Но смелость эта реальна. Она исходит из характера советского человека, из характера его сердца. Постановление написано скупое, много цифр, названий областей, объектов строительства, но как остро трогают твою душу эти цифры, эти области, эти объекты! Всем своим сознанием принимаешь могущество человеческой воли, которое ярче всего видно в нашем народе. Эти молнии творчества освещают весь наш путь,—и он идет прямо, через Сталинград, Орел, Казачев, Белгород, Харьков,—до того места, где целиком будет уничтожен враг наш.

Помните слова Сталина, сказанные им в ноябре 1942 года:

— Будет и на нашей улице праздник!

На нашей улице—на харьковской улице — праздник!

На нашей улице—на орловской —праздник!

На сталинградской — праздник!

И скоро—на всех улицах наших. Салют тебе, великая Родина наша, салют тебе, сила бессмертная народа нашего, салют тебе, великий день восстановления!

«Известия», 25 августа.

От Советского Информбюро ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ЗА 26 АВГУСТА

В течение 26 августа наши войска, наступающие западнее ХАРЬКОВА, продвинулись на отдельных участках вперед от 4 до 6 километров и заняли несколько населенных пунктов.

В Донбассе, в районе юго-западнее ВОРОШИЛОВАГРАДА, наши войска вели бои по улучшению своих позиций.

На других участках фронта наши войска вели боевую разведку.

В течение 25 августа наши войска на всех фронтах подбили и уничтожили 92 немецких танка. В воздушных боях и огнем зенитной артиллерии сбито 38 самолетов противника.

ЗАПАДНЕЕ ХАРЬКОВА наши войска продолжали наступление и заняли несколько населенных пунктов. В боях за один населенный пункт части Н-ского соединения разгромили два батальона пехоты противника. Захвачено 17 орудий, 69 пулеметов, 45 автомашин и склад боеприпасов. Взяты пленные. На другом участке советские бойцы отразили неоднократные контратаки гитлеровцев и нанесли им большой урон. Уничтожено свыше 800 немецких солдат и офицеров. Подбито и сожжено 16 танков противника. На плацах отступающих немцев наши подразделения ворвались в крупный населенный пункт и ведут уличные бои.

ЮЖНЕЕ ХАРЬКОВА бойцы Н-ской части в ожесточенном бою уничтожили 600 гитлеровцев, сожгли 9 танков и 2 самоходных орудия противника.

В борьбе против немецких захватчиков советские бойцы показывают отвагу и высокую боевую выучку. На одном участке 16 немецких танков пытались нанести удар во фланг нашей части. Находившийся в засаде танк лейтенанта Паршина открыл огонь и уничтожил 4 немецких средних танка, шедших в голове колонны. Затем тов. Паршин перенес огонь на тяжелые немецкие танки и подбил 3 танка типа «Тигр». Остальные вражеские машины отступили. Артиллерийская батарея гвардии майора Брылеева в одном бою уничтожила 6 немецких танков и несколько десятков гитлеровцев. Летчик-истребитель младший лейтенант Михеев за 10 дней сбил 7 бомбардировщиков и 9 истребителей противника.

В Донбассе, ЮГО-ЗАПАДНЕЕ ВОРОШИЛОВАГРАДА, наши войска вели бои по улучшению своих позиций. Противник предпринял ряд последовательных контратак, но не добился успеха. Н-ское соединение в ожесточенных боях уничтожило 1.200 немецких солдат и офицеров и взяло 120 пленных. Уничтожено 32 немецких танка, 43 орудия, в том числе 12 самоходных. Захвачено у противника 7 исправных танков, 2 железнодорожных эшелона с боеприпасами и другим военным имуществом.

ЮЖНЕЕ ИЗЮМА наши войска, отразив контратаки противника, уничтожили до батальона немецкой пехоты, подбили и сожгли 16 вражеских танков, 3 самоходных орудия и 40 автомашин. На одном

участке 12 красноармейцев под командованием лейтенанта Веселова вступили в бой с 10 немецкими танками. Наши бойцы гранатами вывели из строя 4 танка противника. Остальные немецкие танки отошли на исходные позиции.

На БРЯНСКОМ направлении наши подразделения вели разведывательные действия. Бойцы Н-ской части ворвались в немецкие траншеи и в результате ожесточенной схватки овладели ими. В этом бою противник потерял убитыми более 100 солдат и офицеров.

На ЛЕНИНГРАДСКОМ фронте наши подразделения истребили до двух рот пехоты противника, разрушили 23 ДОТ'а и 13 землянок. Танкисты под командованием старшего лейтенанта Иваненко за 3 дня уничтожили 10 немецких танков, подбили 2 самоходных пушки «Фердинанд» и истребили несколько десятков вражеских пехотинцев.

В ночь на 15 августа в одном из районов Орловской области партизанский отряд совершил налет на немецкий гарнизон, расположенный в крупном населенном пункте. Застигнув противника врасплох, партизаны истребили 40 гитлеровцев и захватили 17 пленных. Советские патриоты сожгли склад горючего, склад продовольствия и помещение немецкого штаба. Захвачено знамя воинской части, 2 орудия, 6 пулеметов и 35 винтовок. Партизаны другого отряда уничтожили охрану концентрационного лагеря и освободили находившихся в нем 130 советских граждан.

Взятые в плен немецкие обер-сфрейторы Вилли Рихтер, Гюнтер Фришце и Гейнц Дате (из 255 артиллерийского полка 255 немецкой пехотной дивизии) рассказали: «В районе Борисовка наш артиллерийский полк вместе с частями других дивизий попал в окружение. Попытки прорвать кольцо остались безуспешными. Русские вскоре разгромили окруженные немецкие части. Многие солдаты сдались в плен. После провала летнего наступления немецких войск на Курск офицеры говорили нам: «Мы потерпели неудачу и наши потери велики, но эти жертвы принесены не напрасно. Мы ослабили русских и предотвратили их наступление». Однако все это оказалось неправдой. Русские войска перешли в наступление на широком фронте, а немецкая армия отступает».